

мерно в 1900 работников — см. стр. 21 и сл.) и опирающийся на вооруженную дружину, являлся и мыслил себя (в категориях «сословного мышления») самостоятельным государем (стр. 19 и сл.), тогда как император был лишь первым среди равных (стр. 156).

В книге Вайса мы найдем немало иных существенных моментов: описание политической борьбы в первой половине XIV в., в частности восстания зилотов, и попытку вскрыть расстановку социальных сил в этой борьбе; его откровенное присоединение к «современным восточным историкам» в оценке результатов победы аристократической реакции над городским движением 40-х годов XIV в. (стр. 85); анализ политической роли антипаламитского движения и его связи с «народом» (стр. 137) и многое другое. Но главное в книге, на мой взгляд, — анализ социальной структуры византийского общества и особенно его господствующего класса. Сравнение с работой Веласкеса-Гастелу наглядно свидетельствует, какой большой шаг вперед сделан Вайсом. Несмотря на всю сдержанность (я даже сказал бы, терминологическую робость), Вайс ярче, чем кто бы то ни было до него, показал социальное и функциональное родство господствующего класса Византии с западноевропейской средневековой аристократией. Вместе с тем он наметил (хотя и не сформулировал с желательной четкостью) то, что составляло византийскую специфику: рыхлость социальных связей, нечеткость общественных граней, неопределенность и размытость сословных (или парасословных) групп. Дело не только в отсутствии четкой терминологии знатности и незнатности — вертикальная мобильность была в Византии не просто фактом, но и принципом.

Исследование Вайса хронологически ограничено. Ему не свойственны генерализирующие формулировки, отличающие статью Веласкеса-Гастелу («всегда было»). Попытки выйти за рамки XIV столетия — обычно не очень удачны и лишь изредка раскрывают специфику исторического движения. Вопреки Вайсу, я не склонен, например, распространять на средне- и ранневизантийский период его наблюдение об ограниченности императорской власти (стр. 156). Но этот недостаток трудно поставить в вину молодому ученому: со временем монографическое изучение разных эпох позволит нам лучше понять их специфические отличия.

И последнее замечание. При изучении истории аристократии просопографические исследования позволяют выразить ряд наблюдений в статистической форме. Вайс не избегает просопографического анализа (см., например, на стр. 130 изучение состава антипаламитской группировки), но статистической обработки просопографических данных у него нет. По-видимому, когда-нибудь это предрубление филологов против статистики будет преодолено, и византилисты получат новый инструмент для изучения истории аристократии.

А. К.

J. Darrouzès. RECHERCHES SUR LES ΟΦΙΚΙΑ DE L'ÉGLISE BYZANTINE.
«Archives de l'Orient chrétien», II, Paris, 1970, 618 p.

Ж. Даррузес известен прежде всего как издатель византийских памятников, относящихся главным образом к церковной истории X—XII вв. В рецензируемой работе новые тексты занимают сравнительно малое место — они даже помещены в приложение (стр. 527—575). Это по преимуществу списки церковных должностей, среди которых один публикуется по рукописи ГИМ, 53/149 (см. стр. 204)¹, а другой — по ГИМ, 475/329 (см. стр. 223 и сл.). Даррузес детально анализирует рукописную традицию и содержание списков, классифицирует и датирует их: в частности, он устанавливает, что списки типа *O*, представленные Paris. 1409 и некоторыми более поздними манускриптами, зависят от списков типа *G*, к которым принадлежит и рукопись ГИМ, 53/149, (стр. 275).

Однако работа не сводится к публикации и анализу списков церковных должностей. Даррузес стремится обрисовать структуру и развитие церковной администрации в Византии с V по XV в. Он привлекает для этого как изданные, так и рукописные источники, в том числе известный риторический сборник — Экскурриальский манускрипт Y-II-10.

Церковной администрации посвящены в книге два больших раздела, которые, по сути дела, содержат один и тот же материал, но различаются между собой двумя моментами: во-первых, один раздел (стр. 11—168) строится без использования публикуемых списков должностей, другой (стр. 296—525) — с привлечением их; во-вторых, в первом разделе материал располагается в исторической последовательности и расчленяется на три периода — с V по X в., XI—XII вв., XIII—XV вв., тогда как во втором рассматривается структура церковной администрации, характеризуются основные патриаршие чины: эконома², сакеларий, скевофилак, начальник сакелы, протекдик и —

¹ Даррузес публикует лишь отрывок из этого текста. Полное издание см. И. С. Тичуров. Новые рукописные сведения о византийском образовании. — ВВ, 31, 1971, стр. 238—242.

² Говоря об аппарате эконома, Даррузес упоминает нумодота (стр. 305), который должен был раздавать клирикам и беднякам деньги, полученные ἐξ ἀέρος καὶ κέρδους

особенно детально — хартофилак и аппарат его канцелярии. Подобное дублирование материала, неминуемо обедняющее исторический экскурс, проистекает из источниковедческой сущности труда Даррузеса: собственно говоря, исторический раздел книги задуман как вспомогательный, как своего рода средство для датирования списков должностей, Именно поэтому он непосредственно предшествует анализу этих списков, и автор сознательно избегает в нем пользоваться их данными. И в «структурном» разделе источниковед явно господствует над историком: значительная часть этого раздела посвящена классификации актов патриаршей канцелярии (стр. 389—525). Кстати сказать, если дипломатика императорских грамот детально разработана П. А. Яковенко, Ф. Дэльгером и рядом других исследователей, то дипломатика патриаршей канцелярии исследуется по сути дела впервые. Даррузес анализирует терминологию патриарших грамот (ипомнима, сигилий, симиома и др.), их содержание и эволюцию, сборники патриарших документов, а также характер синодальных актов.

Однако значение рецензируемой книги не ограничивается только источниковедческим анализом, только дипломатическим разбором. Несмотря на то, что исторический экскурс был задуман как вспомогательное средство, логика материала выдвигает именно его на передний план. На самом деле, конечно, не история институтов есть средство для датировки списков должностей, но списки должностей должны служить источником для восстановления истории институтов. И. Даррузес высказывает в этой связи некоторые принципиальные соображения.

Прежде всего, в книге неоднократно подчеркивается, казалось бы, довольно известное положение — о противоречивости (дуализме) византийской церковной иерархии: с одной стороны, она зажилась на принципе духовного ранга (епископы, священники, диаконы, низшие клирики), с другой — административные функции могли создавать основание для прорыва чисто «духовной» иерархии. Не только диаконы, управявшие патриаршими ведомствами, стали со временем занимать место выше священников (см., например, стр. 66), но и диакон-хартофилак имел тенденцию превратиться во второе лицо в церкви после патриарха. Правда, Даррузес стремится показать, что канонисты преувеличивали действительное значение хартофилака (стр. 344, 349), однако наличие подобной тенденции не приходится отрицать.

Этот дуализм церковной иерархии — был ли он изолированным феноменом, свойственным в Византии только церкви, или он отвечал вообще структуре византийского общества с его дуализмом архаичного и нового, неизменного и подвижного, традиционного и нарушающего устой? Подобный вопрос выходит за рамки исследования Даррузеса, но он естествен для тех, кто интересуется социальной историей империи.

Даррузес неоднократно подчеркивает подвижность, изменчивость византийской церковной администрации (стр. 28, 72, 79 и др.). Еще в IX в. патриаршие архонты не составляли единой группы, которая формируется позднее, под воздействием не императорского законодательства, а церковного обычая (стр. 93). Длительное внутреннее развитие находит свое завершение в престагме Алексея I от 1094 г., появление которой Даррузес ставит в связь с сопротивлением митрополитов императорской власти (стр. 53 и сл.). В своей борьбе против митрополитов Алексей I опирался на административный корпус патриарших архонтов³. Даррузес рассматривает и другой указ Алексея I — новеллу 1107 г., которая оформила создание системы церковных дидаскалов (стр. 75), игравших столь большую роль в политической и культурной жизни XII в. Даррузес прослеживает, как в XIV в. введение экзархов, осуществлявших дисциплинарный контроль над клиром, способствовало усилению власти патриарха за счет архонтов (стр. 129 и сл.). Таким образом, церковная администрация при всем ее консерватизме не оставалась в Византии неизменной, но непрерывно видоизменялась и перестраивалась. И опять-таки эта мысль заставляет поднимать вопрос о соотношении церковного развития и общей социальной эволюции Византии.

Традиционные представления о строгой четкости византийской администрации не выдерживают проверки на собранном в книге материале. Так, в частности, пост эконома, предполагавшийся для священника, в X и XI вв. могли занимать миряне (стр. 303 и сл.). Одним из мирян-экономов был будущий император Роман Аргир (стр. 39, 52, 61)⁴. Еще более показательным наблюдением Даррузеса (стр. 63) за организацией церковных финансов: отмечая отсутствие единой патриаршей казны, он показывает сложность и многозначность как понятия сакелы (казна, монастырь, тюрьма), так и должности начальника сакелы (стр. 318—322). Даррузес противопоставляет

(стр. 549.16). Даррузес не задается вопросом, что означает здесь $\alpha\eta\rho$, ¶ и не включает этот термин в индекс, — но, видимо, речь идет об известной повинности — ауре или аэрикоме.

³ Одновременно с Даррузесом вопрос о противоречиях между митрополитами и архонтами-диаконами в XI—XII вв. был поднят и В. Тифтискоглу: *V. Tiftixoglu. Gruppenbildungen innerhalb des konstantinopolitanischen Klerus während der Komnenenzeit.* — *BZ*, 62, 1969, S. 25—72. Ср. мою рецензию: *ВИ*, 1971 № 2, стр. 194—196.

⁴ Даррузес ссылается на заметку Зонары, издаваемую им по *Vindob. hist.* 70 (см. стр. 547). Яхья Антохийский также называл Романа патрикием, эпархом и экономом храма св. Софии (*B. Rosen. Император Василий Балгарбойца.* СПб., 1883, стр. 71).

церковный порядок организации государственных финансов, которая представляется ему строго централизованной (стр. 63). Императорскую сакелу он называет *banque centrale d'Etat*, ссылаясь на Ф. Дэльгера, который, впрочем, был несколько более осторожным в своей формулировке и признавал сакелу *Staatsbank*⁵, т. е. просто «государственным банком», без эпитета «центральный». Однако, надо думать, и государственная администрация в Византии не была столь упорядоченной, как это представлялась Дэльгеру. Церковная администрация скорее соответствовала, чем противостояла общей имперской структуре.

А. К.

ВИЗАНТИЙСКАЯ МЕТРОЛОГИЯ

E. Schilbach. *Byzantinische metrologische Quellen.*
Düsseldorf, 1970, S. XXIII+204.

E. Schilbach. *Byzantinische Metrologie.* München, 1970, S. XXIX+291.

Византийской метрологии как особой вспомогательной дисциплины до работ Э. Шильбаха практически не существовало — теперь она есть. Первая из его работ — изданная ротационным способом сравнительно небольшая книга — содержит выборку византийских источников по метрологии с комментарием и удобным указателем. Часть текстов публикуется впервые. Правда, объем книги не позволил включить в нее наиболее обширные сочинения, вроде «Геодезии» Иоанна Педиасима (XIII—XIV вв.), но и в таком виде сводка Шильбаха дает в руки византиниста большой и легко обозримый материал.

Вторая книга — общая характеристика византийских мер и весов. Автор ограничивает себя преимущественно средне- и поздневизантийским периодом и соответственно территорией Малой Азии, Греции, Македонии и островов, включая Кипр. В книге рассматриваются как официальные, так и локальные меры длины и поверхности, меры жидкости и сыпучих тел, меры веса. В приложении даны три экскурса: о классификации земель по принципу качества, о приемах измерения земельных участков¹ и о поземельном обложении. Автор сознательно воздерживается от рассмотрения проблемы измерения времени в Византии, поскольку она принадлежит хронологии. Возможно, было бы целесообразно включить в книгу, хотя бы в виде приложения, сводку данных о византийских ценах (частично автор обращается к ним в связи с измерением и обложением земли).

Автором привлечен, помимо специально метрологических источников, широкий круг памятников, как греческих, так и иноземных, — от хроник до деловых документов, включая счетные книги. Используются и памятники материальной культуры: здания, монеты, гиры-эксагии и т. п. Характеристика источников дана на нескольких страницах (стр. 6—9) и носит, по сути дела, внешне-дескриптивный характер. Внутренняя критика источника отсутствует. Например, материал известной книги Пеголотти безоговорочно отнесен к первой половине XIV в., тогда как, возможно, он отражает обстановку, существовавшую в Византии в конце XIII столетия². Более общий характер имеет вопрос о степени достоверности метрологических сведений. Некоторые стороны этого вопроса, в частности проблема терминологии, удачно разбираются в самом тексте, однако мне представляется плодотворным целостное его рассмотрение. В самом деле, существует ряд византийских источников, как, например, задачки, метрологические данные которых явно произвольны. В других случаях (например, в хрониках или житиях) произвольность этих данных может быть допущена априори, но насколько основателен разговор о произвольности цифр в трактатах землемеров и тем более в деловых документах?

В основе византийских мер длины лежит «стопа» (фут), которую Шильбах принимает равной 31, 23 см, что, по его мнению, отличает византийскую систему от римской, жившей на футах в 29, 6 см, и сближает с греческой, где фут равнялся 31,5 см (стр. 16). Шильбах характеризует ряд линейных мер («локоть», оргия, схиний и др.) и устанавливает мимоходом на длине дневного перехода (стр. 36). Это понятие играло важную роль в системе византийских измерений, оно упоминается не у одного только Кантакузина, как можно было бы заключить из текста Шильбаха, но у многих византийских авторов (часто у Константина Багрянородного), равно как и у восточных и латинских писателей. Полная сводка таких данных могла бы представлять большой интерес.

⁵ F. Dölger. *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung.* Darmstadt, 1960, S. 14. Дэльгер противопоставляет сакелле вестнарий как казну для натуральных поступлений, что не соответствует действительности, ибо в вестнарий поступали и денежные суммы. О сакеле см. также: *ibid.*, S. 24—27.

¹ См. об этом также: Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. — ВВ, X, 1956, стр. 101—103.

² Ph. Grierson. *The Coin List of Pegolotti.* — «Studi in onore di A. Saporiti». Milano, 1957.